

Расул Таузагов

Берегите
грузей

Расул Гамзатович Гамзатов

Берегите друзей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8672033

Берегите друзей: Издательский дом «Эпоха»; Махачкала; 2012

ISBN 978-5-98390-113-1

Аннотация

В предлагаемый вниманию читателей поэтический сборник народного поэта Дагестана Расула Гамзатова вошли философские и лирические стихотворения, пронизанные мыслью о важности сохранения доброты и любви к людям, необходимости беречь друзей. Сборник станет настольной книгой каждого, кто ценит меткое, мудрое слово нашего великого земляка.

Содержание

Берегите друзей	5
О дружбе	7
«Крестьянину про Кремль я рассказал...»	8
Три горских тоста	9
Если ты кунак	10
«За дружбы полный рог спешит коварный друг...»	12
Просьба	14
«Тень на снегу темнеет длинно...»	16
«Была обида в детстве...»	18
«Когда друзья проходят стороною...»	19
«В горах дагестанских джигиты, бывало...»	20
Подняв аварский рог	21
О мои друзья!	23
«Поверьте, первая ошибка не страшна...»	25
Старший	26
В гостях у Маршака	29
Мустаю Кариму	32
Когда я входил в дом Самеда Вургунa	35
Как рано ты умер, поэт!	37
Рождение песни	39
Старые друзья	41
Слезинка	43

Сокурсникам литинститута	44
«Пойдем, друг детства Магомет...»	46
«О кунаки, мои друзья...»	47
Здесь на вершинах	48
«Сядем, друг, на пороге долины...»	50
Не пришел друг	52
«Старый друг мой, отнятый войной...»	53
Чингизу Айтматову	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Расул Гамзатов

Берегите друзей

Берегите друзей

Перевод Н. Гребнева

Знай, мой друг, вражде и дружбе цену
И судом поспешным не греши.
Гнев на друга, может быть, мгновенный,
Изливать покуда не спеши.

Может, друг твой сам поторопился
И тебя обидел невзначай,
Провинился друг и повинился —
Ты ему греха не поминай.

Люди, мы стареем и ветшаем,
И с теченьем наших лет и дней
Легче мы своих друзей теряем,
Обретаем их куда трудней.

Если верный конь, поранив ногу,
Вдруг споткнулся, а потом опять,
Не вини его – вини дорогу

И коня не торопись менять.

Люди, я прошу вас, ради бога,
Не стесняйтесь доброты своей.
На земле друзей не так уж много,
Опасайтесь потерять друзей.

Я иных придерживался правил,
В слабости усматривая зло.
Сколько в жизни я друзей оставил,
Сколько от меня друзей ушло.

После было всякого немало,
И, бывало, на путях крутых
Как я каялся, как не хватало
Мне друзей потерянных моих!

И теперь я всех вас видеть жажду,
Некогда любившие меня,
Мною не прощенные однажды
Или не простившие меня.

О дружбе

Перевод Я. Козловского

Ты счастлив тем, что многие года
Живешь спокойно, с бурями не споря,
Друзей не знаешь, то есть никогда
Ни с кем не делишь радости и горя.

Но если даже прожил ты сто лет
И голова, как мудрость, поседела,
Тебе при людях говорю я смело,
Что не родился ты еще на свет.

«Крестьянину про Кремль я рассказал...»

Перевод В. Солоухина

Крестьянину про Кремль я рассказал,
Дворцы и залы – все я описал.
В тупик меня поставил мой земляк:
– А есть ли у тебя в Кремле кунак?

Три горских тоста

Перевод Я. Козловского

Наполнив кружки, мудрствовать не будем
И первый тост такой провозгласим:
«Пусть будет хорошо хорошим людям
И по заслугам плохо – всем плохим!»

Еще нальем и вспомним изречение,
Достойное громокипящих рек:
«Пусть детство будет кратким,
 как мгновенье,
А молодость пусть длится целый век!»

И в третий раз содвинем кружки вместе.
«Друг чести, пей до дна! Не половинь!
Пусть обойдут нас горестные вести,
А сыновья – переживут. Аминь!»

Если ты кунак

Перевод Я. Козловского

Если ты кунак, то мой порог
Ждет тебя, сдувая облака.
Если ты от жажды изнемог,
То моя река – твоя река.

Если даже на дворе черно,
Встречу сам, подай лишь только знак.
Вот мой хлеб, вот розы, вот вино,
Все, чем я богат, – твое, кунак.

Холодно – сядь ближе к очагу,
Я получше разожгу кизяк.
Голодно – не сетуй, помогу:
Полям поделюсь с тобой, кунак.

Если станешь таять, как свеча,
Проклинаю рану иль недуг,
Я успею привезти врача,
Кровь моя твоею станет, друг.

Если страшно – мой возьми кинжал
И носи, повесив на боку.
Если ты, кунак, затосковал,

Станем вместе разгонять тоску.

Пал скакун – вот мой под чепраком,
Мчись, скачи и самым хмурым днем
Оставайся верным кунаком,
Будь я на коне иль под конем.

Одна загадка есть: как лютой злобы жар
Ты в ледяной душе так долго удержал?
Как мог ты, лицемер, таиться столько дней,
Готовя мне удар поглубже, побольней?

Но знай, что мой удел меня не леденит, —
Ведь горский жив поэт и ныне знаменит,
Хотя давно убит он в спину подлецом,
Который трусил с ним сойтись к лицу лицом!

Просьба

Перевод Н. Гребнева

Жена моя, просьб у меня не много,
Но эту ты исполни, ради бога.

Прошу: цени друзей моих вчерашних,
Всех тех, кому когда-то был я мил,
Которых издавна, еще до наших
С тобою лет,
любил я и ценил.

Люби людей, с которыми вначале
Я шел тропой пологой и крутой,
Кем бы сейчас друзья мои ни стали,
Они – частица жизни прожитой.

Пусть странными сочтешь ты их повадки,
Не уличай их ни в какой вине,
Все малые грехи и недостатки
Ты им прости, как ты прощаешь мне.

Спеши друзьям навстречу, дорогая.
Открой им дверь и взглядом их не мерь.
Считай, что это молодость былая
Нежданно постучалась в нашу дверь.

Давно с иными смерть нас разлучила,
Давно с другими жизнь нас развела,
А те лишь по делам звонят уныло
И пропадают, разрешив дела.

Нас с каждым годом меньше остается.
О жены всех моих друзей былых!
Вы и меня терпите, коль придется,
Во имя дорогих мужей своих.

«Тень на снегу темнеет длинно...»

Перевод Я. Козловского

Тень на снегу темнеет длинно.
«Что головою ты поник,
Пред красным угольем камина
Былое вспомнивший старик?

Молва людская не предвзята,
И слышал я вблизи могил,
Что был твой друг в беде когда-то,
Но друга ты не защитил.

Сегодня, белую, как совесть,
Разгладив бороду, старик,
Ты роковую вспомни повесть,
Паденья собственного миг».

«Я был тогда охвачен страхом,
За что на склоне лет, поверь,
Пред сыновьями и аллахом
Раскаиваюсь я теперь».

«Старик, ты дожил до заката,
И ценит исповедь аул.
Скажи, а правда, что когда-то

В горах ты друга обманул?

С самим собой все чаще ссорясь,
Ответь, что чувствовать привык,
Когда ты белую, как совесть,
Вновь гладишь бороду, старик?»

«Встают минувшего виденья,
И чувствую меж сыновей
Мучительное угрызенье
Я грешной совести моей».

«Нет, ты не все, старик, поведал,
Толкуют даже вдалеке,
Что ты когда-то друга предал,
Поклявшись ложно на клинке.

И, о душе забеспокоясь,
Томишься думою какой,
Когда ты белую, как совесть,
Вновь гладишь бороду рукой?»

«Давно я черной думой маюсь,
Годов не поворачишь вспять.
И хоть не раз еще покаюсь,
Мне страшно будет умирать».

«Была обида в детстве...»

Перевод Е. Николаевской

Была обида в детстве – в горле комом!
Когда солгал мне мальчик незнакомый...
О том забыл я, когда друг примерный
Меня направил по тропе неверной.
Забыл я и об этом в день тот черный,
Когда поступок совершил позорный
Мой родственник – за сходственную цену
Утратил честь, решился на измену
И, опираясь на чужие плечи,
Надменно повторял чужие речи...
Ему-то что!.. Ему – хвалу трубили...
А мне – как будто голову срубили.

Правдиво только сердце —
вне сомнений —
И каждому немедля верит слову,
Хоть кровью истекает от ранений,
Тех, что судьба ему наносит снова...

«В горах дагестанских джигиты, бывало...»

Перевод Н. Гребнева

В горах дагестанских джигиты, бывало,
Чтоб дружбу мужскую упрочить сильней,
Дарили друг другу клинки, и кинжалы,
И лучшие бурки, и лучших коней.

И я, как свидетельство искренней дружбы,
Вам песни свои посылаю, друзья,
Они – и мое дорогое оружие,
И конь мой, и лучшая бурка моя.

Подняв аварский рог

Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой

Сойдем с коней!..
Сверкает у дороги
Ручей,
За нами – снежных гор стена...
Пусть отразится в нашем полном роге
Подковой золотистой луна.

За руку выпьем – ту, что рог подымлет,
За губы, обожженные вином,
За небо над землей, за нашу землю,
Прекрасную в безмолвии ночном.

За нас двоих: пусть в жизни с нами будет
Все точно так, как мы с тобой хотим!
Еще налей, пусть к милым сердцу людям
Придет все то, чего желаем им.
Пусть в третий раз вина зажжется пламя —
Сегодня мы командуем судьбой:
Пускай свершится с нашими врагами
Все то, что мы им ниспошлем с тобой!

И – на коней! Хлестнем три раза плетью,
Скалистые оставим берега...

Мы утро, друг, на перевале встретим,
Жалея тех, кто, век прожив на свете,
Не заслужил ни друга, ни врага.

О мои друзья!

Перевод Е. Николаевской

О мои друзья, мои друзья!..
Чуете, откуда ветер дует?
Радуется или негодует —
Дует, одобряя иль грозя?

О мои друзья, мои друзья!
На опасных, на крутых высотах
О нежданных ваших поворотах
Узнаю из песен ветра я.

О мои друзья, мои друзья!
Гляньте, как летит река в ущелье, —
В тех рыбешках, что несет течение,
Узнаю иных знакомцев я.

Изменились времена... И что ж?
Сколько ж их теперь, скажи на милость,
Всяческих героев объявилось!
С ходу их, пожалуй, не сочтешь!

Много их, почувствовавших власть,
Тех, что в наглости трусливо грубой
Хищнику, утратившему зубы, —

Руки льву суют отважно в пасть.

Так вот и случается оно:

Нет боеприпасов – нет вопросов.

И едва ль не каждый здесь – Матросов,

Только пулемет заглох давно...

О друзья! Под широтой небес

Сколько воробьев средь нас, поэтов...

Где орлы, стремящиеся к свету

Ветру встречному наперерез?!

Знайте, рыба ценная плывет

Не в потоке, а борясь с теченьем!

Повторяю это со значением:

Кто понятлив, думаю – поймет.

Ну а те, кого пленяет власть,

Кто стремится к власти тихой сапой,

Помните, у льва остались лапы:

Стоит ли к нему – руками в пасть?!

«Поверьте, первая ошибка не страшна...»

Перевод Л. Дымовой

Поверьте, первая ошибка не страшна,
И первая обида не важна,
И самый первый страх сродни испугу.
И коль в твоей судьбе случилось вдруг,
Что в первый раз тебя обидел друг —
Не осуждай, понять попробуй друга.

Наверное, на свете не найти
Людей, ни разу не сбивавшихся с пути,
Сердец, ни разу не окутанных туманом.
И коль у друга твоего стряслась беда:
Сказал не то, не тем и не тогда —
Его ошибку не считай обманом.

Друзья, что, глупый промах мой кляня,
Когда-то отказались от меня, —
Для вас всегда мой дом открыт. Входите!
Всех, кто со мной смеялся и грустил,
Люблю, как прежде. Я вас всех простил.
Но только и меня, друзья, простите.

Старший

Перевод Е. Николаевской

Столы накрыты,
И гостей полно.
Чего мы ждем?
Все собрались давно...
За стол мы не садимся —
Почему?
Ждем старшего,
Все почести ему!

В горах всегда
Считался старшим тот,
Кто больше рек
За жизнь пересечет,
Кто множество
Путей-дорог пройдет,
Тот старший,
И ему всегда почет!

А нынче стали
Старшими считать
Совсем иных —
По чину почитать.
Простая просьба,

Только где ответ?
«Ждем старшего —
Его чего-то нет...»

А кто же старший?..
В давние года
Единой мерой
Мерили всегда:
Был старшим тот,
Кто больше видел звезд!
Теперь же – старший тот,
Чей выше пост...

У друга я
Содействия прошу.
А он в ответ:
«У старшего спрошу...»
Не у того,
Кто старше по годам!..
(А за других
Я и гроша не дам!)

Решить бы дело
Дома поутру...
А так – все распылилось
На ветру:
Над старшим —
Старший есть,
Над тем – другой...

Я за советом к другу —
Ни ногой!

Был старшим тот
В былые времена,
Кто мудрых мыслей
Сеял семена.
Отвагой славен был
И мастерством —
Не связями, не чином,
Не родством.

Теперь же старше тот,
Чей больше чин!
Но в этом, право,
Нет еще причин
Ему во всем
Безропотно служить...
Считаться старшим —
Надо заслужить!

В гостях у Маршака

Перевод Я. Козловского

Радушен дом и прост обличьем,
Желанным гостем будешь тут,
Но только знай, что в роге бычьим
Тебе вина не поднесут.

Пригубишь кофе – дар Востока,
Что черен, словно борозда.
И над столом взойдет высоко
Беседы тихая звезда.

Росинке родственное слово
Вместит и солнце, и снега,
И на тебя повеет снова
Теплом родного очага.

И припадет к ногам долина
Зеленых трав и желтых трав.
И все, что время отделило,
Вплывет, лица не потеряв.

Хозяин речью не туманен.
Откроет, уважая сан,
Он книгу, словно мусульманин

Перед молитвою Коран.

И, современник не усталый,
Шекспир положит горячо
Свою ладонь по дружбе старой
Ему на левое плечо.

И вновь войдет, раздвинув годы,
Как бурку, сбросив плед в дверях,
Лихой шотландец, друг свободы,
Чье сердце, как мое, в горах.

Еще ты мальчик, вне сомненья,
Хоть голова твоя седа,
И дарит мыслям озаренье
Беседы тихая звезда.

Тебе становится неловко.
Что сделал ты? Что написал?
Оседланная полукровка
Взяла ли горный перевал?

А если был на перевале,
Коснулся ль неба на скаку?
Мечтал тщеславно не вчера ли
Прочесть стихи ты Маршаку?

Но вот сидишь пред ним и строже
Расцениваешь этот шаг,

Повинно думая: «О боже,
Ужель прочел меня Маршак?»

А у него глаза не строги
И словно смотрят сквозь года...
В печали, в радости, в тревоге
Свети мне, добрая звезда.

Мустаю Кариму

Перевод Я. Козловского

Это снова снега замели,
Или, может, выдавшие виды,
На конях белогривых вдали
Из-за гор вылетают мюриды.

Шапку сняв на пороге родном,
Я стряхнул седину непогоды.
И клубятся снега за окном,
Словно годы, Мустай, словно годы.

Быстро таяли календари.
И хоть мы не менялись для моды,
Что ты, милый мой, ни говори,
Изменили и нас эти годы.

Ошибались с тобой мы не раз,
Ушибались, хмельны и тверезы,
И прозревших не прятали глаз,
Где стояли жестокие слезы.

Помню: на сердце камень один
Мы носили, покуда в разлуке
Был с Кавказом Кулиев Кайсын,

Переживший молчания муки.

Книгу памяти перелистай,
Распахни перед прошлым ворота.
Мы с тобой повзрослели, Мустай,
И мельчить мы не будем, как кто-то.

Головам нашим буйным, седым
Дерзких помыслов преданна свита,
Мы уверенно в седлах сидим,
Коням падавшие под копыта.

На снегу раздуваем костер,
Сторонимся сердец осторожных
И не в каждый кидаемся спор:
Слишком много их – пустопорожних.

Любоваться собой недосуг,
Нас зовет и торопит дорога.
Не о славе – о слове, мой друг,
Позаботимся нежно и строго.

Поклоняясь любви и уму,
Дышит время высокого лада.
Сами знаем мы, что и к чему,
И вести нас за ручку не надо.

То окована стужей земля,
То бурлят ее вешние воды.

Наши лучшие учителя —
Это годы, Мустай, это годы.

Пишет нам из больницы в письме
Боль, стихающая под бинтами,
Грешник, кающийся в тюрьме,
Исповедуется пред нами.

Пишет пахарь и сеятель нам.
Не уйдешь от прямого ответа.
Годы мчатся под стать скакунам,
Оседлала их совесть поэта.

Скоро песни вернувшихся стай
Зазвеният над разбуженной чащей.
Хорошо, что ты рядом, Мустай,
Верный друг и поэт настоящий!

Когда я входил в дом Самеда Вургуна

Перевод Я. Козловского

Ох, легче мне было бы против течения
Вплывь кинуться нынче по горной реке,
Чем кнопку звонка утопить на мгновение,
Пред дверью твоей замирая в тоске.

С простреленным сердцем стою одиноко я,
Не слишком жестоко ли это, Самед?
Мне легче подняться на гору высокую,
Чем в старый твой дом, где тебя уже нет.

Обнять бы тебя мне, щетинистоусого.
Кричу я, зову я —

и только в ответ

Гремит тишина, как печальная музыка,
Как звездочка дальняя, холоден свет.

И шуток не слышно, и книги как сироты,
И жарким огнем не пылает очаг.
И в дом свой родной возвратиться
не в силах ты,
Уехавший слишком далеко кунак.

Как рано ты умер, поэт!

Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой

Баку, услышав о большом твоём горе,
К тебе из-за гор я приехал тотчас...
Я слышу, как плачет Каспийское море,
Я плачу – и слезы струятся из глаз.

Сверкала под солнцем земля Закавказья,
Когда погрузился он в вечную тьму...
И связан с весной он последнюю связью —
Цветами, что люди приносят ему...

Как мать, неутешной слезы не стирая,
Склонилась страна над тобою, Самед.
Тоска меня мучит, мне грудь разрывая...
.. Как рано, как рано ты умер, поэт!..

По стройным проспектам, по улицам узким,
Плывя над печальной прощальной толпой,
Качается гроб на подъеме и спуске,
И стоном его провожает прибой...

О, знал бы, как горестно тяжесть такую
Тоскующим людям нести на плечах!..
Сегодня впервые увидел Баку я

С большой, неизбывной печалью в очах.

Вот медленно гроб опускают в могилу, —
Прощай же, мой брат, незабвенный Самед!..
Навеки ты с небом прощаешься милым —
Как рано, как рано ты умер, поэт!..

Над Каспием ходят ночные туманы...
Прощай навсегда, дорогой человек!
Я завтра увижу огни Дагестана,
Тебя не увижу, не встречу вовек...

Вовек не услышу... Вовек не увижу...
Но что это? Может быть, чудится мне?
Твой голос живой все ясней и все ближе
Звучит так знакомо в ночной тишине.

С широкой страницы твой голос стремится
В живое кипенье мелькающих лет,
Немеркнущий свет над тобою струится:
О нет – ты не умер, не умер, поэт!..

Рождение песни

Мураду Кажслаеву

Перевод Я. Козловского

Строка без музыки – бескрыла,
Ты удружи мне, удружи
И все, что в слове сердцу мило,
На музыку переложи.

Сложи напев, что лих и буен,
Чья власть сердечная нежна.
Пусть горы бьют в луну, как в бубен,
И бубен блещет, как луна.

Слова и звездны, и туманны,
Ты честь в горах им окажи:
На африканские тамтамы
И на свирели положи.

Ты сделай струнами потоки
И сочини такой напев,
Чтобы к щекам прильнули щеки,
Сливались губы, захмелев.

И сладко головы кружились

У обольстительных тихонь.
И, взбив папаху, акушинец
Кидался в танец, как в огонь.

Не забывая слез соленых,
Ты радость людям приноси
И на полях любви сраженных
Благослови и воскреси.

Когда вокруг богуют звуки
И познается вышина,
Ко мне протягивает руки
Земная женщина одна.

Возьми слова мои,
и если
В них землю с небом породнишь,
Они, пожалуй, станут песней,
Взлетев как птицы с горских крыш.

Старые друзья

Перевод Е. Николаевской

Старые друзья... Когда
Я кого-нибудь встречаю,
То, печалясь, отмечаю:
Разбрелись все кто куда.

Что случилось – не пойму:
Только вижу, что иные —
Не хромые, не больные —
Провалились, как во тьму.

Старые друзья на миг
Потеряли чувство меры:
Увела одних карьера,
Жены увели других.

Изменились их черты,
Но поверю я едва ли,
Что вдруг пленниками стали
Сплетен, лжи и клеветы.

Старые друзья, ужель,
Не оставив и надежды,
Изменила вас одежда,

Заменившая шинель?

Помните, в годах иных,
Как судьба с судьбой сплеталась?
Может, все тепло осталось
В тех окопах ледяных?

Старые друзья мои,
А карьера, как и слава,
Переменчива, лукава,
Братской не в пример любви.

Коль от жен покоя нет —
Как друзья, мол, надоели! —
Покажите им шинели
Тех солдатских давних лет.

Дорогие, всякий раз
Грудь мою сжигает пламя,
Если нет их рядом с нами,
Тех — живых — забывших нас.

Мне порою снятся сны,
Я от боли просыпаюсь, —
Будто отсекли мне палец...
...А пришли ль они с войны?..

Слезинка

Памяти Батала Куашева

Перевод Н. Гребнева

Ты ли, слезинка, поможешь мне в горе?
Ты ли блеснешь и рассеешь беду?
Горца, меня, для чего ты позоришь,
Что ты блистишь у людей на виду?

Тот, чьи глаза мы сегодня закрыли,
Видел и горе, и холод, и зной,
Но никогда его очи в бессилье
Не застилало твоей пеленой.

Тихо в ответ мне шепнула слезинка:
«Если стыдишься, себя ты не мучь.
Людам скажи, что блеснула дождинка,
Малая капля, упавшая с туч».

Сокурсникам литинститута

Перевод Я. Козловского

Когда-то стихи мы друг другу
Читали в пылу молодом,
И строфы ходили по кругу,
Как будто бы чаша с вином.

Все помнят лицейские своды
От святости и до грехов.
Друг другу, как в лучшие годы,
Уж мы не читаем стихов.

И лихо не спорим, как прежде,
И песен былых не поем,
И недругов в дерзкой надежде
Анафеме не предаем.

Где бедные наши пирушки,
Где крылья за нашей спиной?
Где милые наши подружки,
Слова о любви под луной?

Прошлись, как по вешнему лугу,
Глас неба в нас словно притих.
Все меньше вопросов друг другу,

Все реже ответы на них.

Есть в славе опасность недуга:
Взошли на вершины одни,
Читать недосуг им друг друга
И тех, кто остался в тени.

Но мы пред собою не лживы
И трезвым достигли умом:
Не все,

 что живет, пока живы,
Жить будет, когда мы умрем.

И часто мне снится не вы ли,
Незримых достойные крыл,
И те, кто меня позабыли,
И те, кого я не забыл?

Иду вдоль бульвара Тверского,
Плывет надо мною луна,
И счастлив по-дружески снова
Я ваши шептать имена.

«Пойдем, друг детства Магомет...»

Перевод Я. Козловского

Пойдем, друг детства Магомет, наследник Магомы,
Аульских коз пасти чуть свет на горном склоне мы.
Или капканами с тобой наловим хомяков
И обменяем шкуры их на хлеб у скорняков.

А может быть, в базарный день отправимся в Хунзах
И раздобудем яблок там на свой и риск и страх?
А может быть... Ах, я забыл, друг детства Магомет,
Что в мире с той поры легло меж нами сорок лет.

И надмогильный камень твой, как в иные зимы,
Давно покинувший меня наследник Магомы.

Тебе неведомо, мой друг, ушедший в глубь веков,
Как много нынче развелось двуногих хомяков.

Склонил я голову. Мне жаль, что нет тебя в живых,
А то б с тобою вместе мы сдирали шкуры с них.

«О кунаки, мои друзья...»

Перевод Е. Николаевской

О кунаки, мои друзья,
Грущу без вас невыносимо!
Объят тоской неугасимой,
Почти что погибаю я...

Когда приходите – я рад,
Едва ли не заболеваю,
Не без труда одолеваю
Беседы три часа подряд.

Вот вы прощаетесь со мной,
И я стою, вослед вам глядя,
А уж тоска подкралась сзади
И тяжелой обдала волной...

И сна лишаюсь ночью я...
Но спят жена моя и дочери,
И спят иль убегают строчки...
О кунаки мои, друзья!

Здесь на вершинах

Перевод Н. Гребнева

Мой друг, кончай пустые споры,
Смех прекрати, сотри слезу,
Быстрее поднимайся в горы,
Ты, суеющий вниз!

Не бойся головокруженья
От высоты,
Не бойся здесь лишиться зренья
От красоты!

Быстрее поднимайся в горы,
Свои сомненья успокой,
Свобода твой раскроет ворот
Своей невидимой рукой!

Покой тебе протянет руку
И мимолетно, на ходу,
Сожмет ладонь, раздавит скуку
И с нею ложную вражду.

Замрешь, и где-то в отдаленье
Послышится негромкий хруст,
Покажутся рога олени,

Как на скале нелепый куст.

В полночный час на небо глянешь,
Достанешь пальцами луну,
Вдали непуганные лани
Запляшут под твою зурну.

Здесь все равны чины и лица,
Здесь всем достаточно наград.
Здесь человеку только птицы,
И то по неразумью, льстят.

Здесь каждый человек почтенен,
Со всеми дружен и знаком.
Здесь должен преклонять колени
Он только перед родником.

Друзья мои, кончайте споры,
Из духоты своих квартир
Быстрее поднимайтесь в горы,
Чтоб с высоты увидеть мир.

Не бойтесь здесь лишиться зренья
От красоты,
Не бойтесь головокруженья
От высоты!

«Сядем, друг, на пороге долины...»

Ахмеду Цурмилову

Перевод Я. Козловского

Сядем, друг, на пороге долины,
Вечереет, и ветер притих.
Восемь струн у твоей мандолины,
Восемь тысяч мелодий при них.

Горных склонов потоки речные
Сделал струнами ты – не секрет.
И послушны тебе, как ручные,
Бесноватые реки, Ахмед.

То смеешься, то хмуришь ты брови,
Откровенным рождается звук,
Словно теплая капелька крови
Пробегают по лезвию вдруг.

И становится всадником пеший,
Жар угольев – кустом алычи.
Мать становится женщиной, певшей
Колыбельную песню в ночи.

И в Цада, и в Гунибе, и в Чохе

Ты всегда, как молва, меж людьми.
И легко разгадаешь, что щеки
У девчонки горят от любви.

Но откуда, скажи без обмана,
Разгадать твои струны могли,
Что болит мое сердце, как рана,
Вдалеке от родимой земли?

Слышу я, поразившийся снова,
Все ты знаешь, рванувший струну,
Про меня, молодого, седого,
И про женщину знаешь одну.

Звезды спелые, как мандарины,
У вершин засветились седых,
Восемь струн у твоей мандолины,
Восемь тысяч мелодий у них.

Не пришел друг

Перевод Е. Николаевской

Сказал – придет. Но нет его и нет.
Уверь себя, что больше ждать не хочешь,
Ключ поверни, гаси скорее свет
И пожелай надежде доброй ночи.

То рыщет ветер на твоём дворе,
Лежи – не вскакивай ежеминутно!
То шепчут ветви на твоём дворе,
Не вглядывайся зря ты в сумрак мутный.

Ведь сквозь окно в морозной мгле ночной
Скорее солнце, чем его, увидишь!
К тебе придет он – через день-другой,
Как раз в тот час, когда из дома выйдешь...

Ты не грусти. Всех не вини вокруг,
От века сердце бедное поэта
И ранит друг, и убивает друг:
Врагу – от века не под силу это.

«Старый друг мой, отнятый войной...»

Перевод Н. Гребнева

Старый друг мой, отнятый войной,
Голос твой я слышу все равно,
А иной живой идет за мной,
Хоть и умер для меня давно.

Верный друг мой, отнятый войной,
Мне тепло от твоего огня,
А иной живой сидит со мной
И морозом обдает меня.

Чингизу Айтматову

Перевод Я. Козловского

Даруй, душа, устам всевластным слово,
Налей-ка, кравчий, в кубок не кумыс.
Прекрасна жизнь – в том убеждаюсь снова,
Приветствую тебя, мой друг Чингиз!

На праздник твой сквозь дымчатые дали
Слетелись мы, но в этот звездный час
Я оттого не в силах скрыть печали,
Что нет твоих родителей меж нас.

И мысленно склоняю я колени
Пред матерью твоей. И не впервой
С ней заодно и не в обличье тени
Мне предстает отец погибший твой.

Сумел, Чингиз, порадовать ты маму
И не подвел отца наверняка
Тем, что, когда взошел на Фудзияму,
Ни на кого не глянул свысока.

Шипучий дар играет в кубке, пенясь,
Пью за тебя до дна, названный брат,
Мой именитый полуевропеец,

Мой знаменитый полуазиат.

И как бы волны ни метались шало
И челны ни менялись в свой черед,
Но в гавани всего земного шара
Входил и входит белый пароход.

Ты не суди Гамзатова Расула,
Завидует тебе он с той поры,
Как Джамиля аварского аула
Платком венчала шею Гульсары.

Скачи, наездник, на коня надеясь,
Касайся неба и не знай преград,
Мой именитый полугевропеец,
Мой знаменитый полуазиат.

К Отечеству в любви мы все едины,
И в том твоя заслуга велика,
Что сделались киргизские вершины

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.